

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
АВГУСТ 2021 г. ● № 8 (294) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Валентина ЕРОФЕЕВА

Слава тебе за этот дар!

К 85-летию поэта Тимура Зульфикарова

Творчество Тимура Зульфикарова сияет в короне современной русской литературы одним из драгоценных её бриллиантов. Вот только время ему досталось чёрное и неблагоприятное. Время, когда в эту корону четвертое десятилетие подряд пытаются с помощью базарно-рыночной «экономики» вляпывать иные «драгоценности»: сонм из вов сорюжины, вить ерофеевых, обоих пелевиных, татьян устиновых, дим быковых и — о шедевр! низшая точка приземления! — совсем уж ни к чему не пригодных гузелей яхиных. Ах да, надо упомянуть и о серых зевотных водолазкинх, «лавров» которых сейчас пытаются реанимировать во что-то театрално-смотрябельное. Во МХАТе имени Горького этой постановкой полностью расщипывается бояковыми площадка для бузовых-актёров и для бузовых-зрителей. Ура, ура, ура: деньги-товар-деньги! Только то, что продаётся бузовыми и для бузовых, имеет реальную возможность «воссияет» в короне литературной современности.

А мы ещё удивляемся, за что нам такое Божье наказание вирусно-климатическое... Впрочем, не только России наказание, но и всему обезумевшему от вседозволенности радужных «свобод» плюралистического глобализма миру. России, кстати, пока ещё в щадящей мере наказание, как шкодливому подростку, у которого впереди вся жизнь с возможностью выправиться и встать на путь истинный.

Тимур Зульфикаров сейчас далеко от нас, далеко от России, которая в содоме и гоморре «перестроек» и переделов-беспределов забыла и о своих исконно славянских крупных творческих личностях и — уж тем более — о каких-то там смешанных полукровках (без налёта принадлежности к малому народу), поющих свои странные песни-стихи почему-то на русском языке.

Тимур Зульфикаров гостит-живёт уже несколько лет на своей таджикской родине, с которой связан не только фактом своего рождения в Душанбе.

Вот что сообщает о писателе вездесущая Википедия: «Тимур Касымович Зульфикаров — русский поэт, прозаик и драматург. Отец — Касым Зульфикаров — одно время был наркомом упразднённой Бухарской республики, в 1937 репрессирован. Мать — Успенская Людмила Владимировна — русская, была профессором языкознания. Зульфикаров поступил на филологический факультет ЛГУ, затем перевёлся в Литературный институт им. Горького, который окончил в 1961. Началом своего творчества считает лирико-эпическое произведение «Смерть Амира Тимура», написанное в 1971 году. Является автором 20 книг прозы и поэзии. Широко известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта».

Много и плодотворно Тимур Касымович работал в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей.

В 2009 году издательство «Художественная литература» выпустило Собрание сочинений в 7-ми томах. Все произведения Зульфикарова написаны на русском языке».

Да, и семитомник был издан (мизерным тиражом на спонсорские деньги), и локальные литературные премии Тимура Зульфикарова не обошли стороной: Яснополян-

ская, имени Дельвига, имени Лескова, Бунинская, но на достойном его творчества государственном уровне писатель остался незамеченным. Не до него было. Не до драгоценного камня в короне... Своих — разрушителей основ — надо было везде проталкивать-пропихивать. Ни созидатели, ни позитивные критики всекрушителям не нужны были.

Тимур — всю жизнь пишущий на русском языке, обладавший, в общем-то, русским воспитанием и самосознанием, но удивительным образом впитавший через генетику и мироощущение нации, породившей его отца, культуру и дух Востока, оказался глубоко недооценённым в России, которая должна была стать ему по-настоящему родиной. Ведь он ощущал себя её сыном, составной кровной её частью. И на вопрос: «Что вы думаете о русском народе?» отвечал прямо и чётко, в свойственном его поэзии стиле:

*Что я думаю о Русском Народе?..
Что думает муравей,
Ползущий по пирамиде Хеопса?..
Что может сказать человек,
Бредущий с пивалой воды
Вдоль бушующего океана?..
История Святой Руси —
Это Океан Бушующий...
Конечно, святые старцы
Знают Русь гораздо глубже*

*и дальше меня...
Но мой тысячетелный герой
Ходжа Насреддин,*

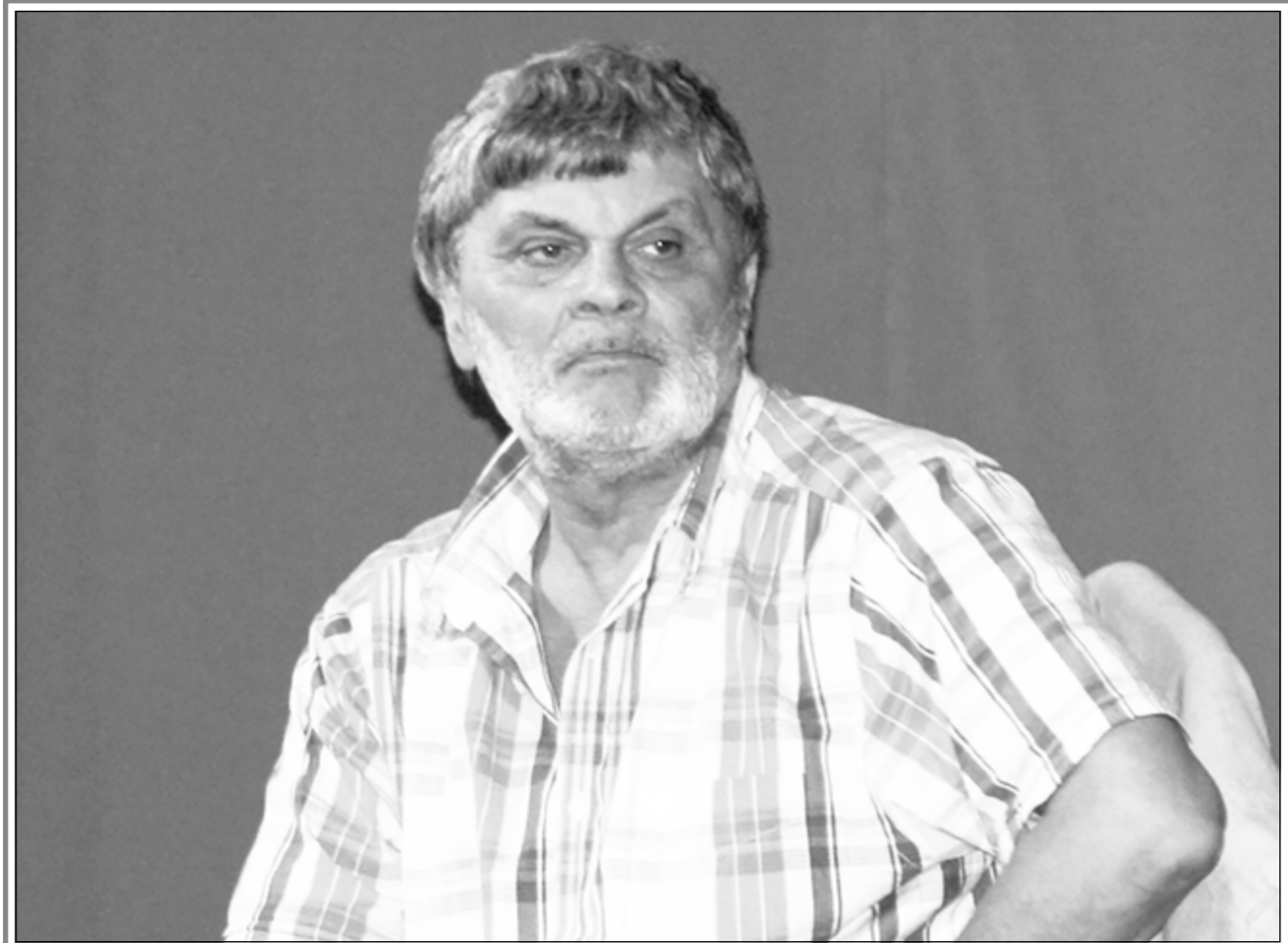
*Который беседовал
С царём Соломоном о Мудрости...
С Конфуцием — о Государстве...
С Чингисханом — о Войне...
С Ганди — о силе Ненасилия...
Со Сталиным — об Империи...
И видел возвышение и падение
Многих царств и народов,
Ныне бродит на седом осле
По нынешней Руси...
Ему-то я и внимаю...
Он-то и вдохновил меня
На создание многих*

позм о России...
Удивительны по глубине философски-публицистической мысли эти поэмы, даже если судить лишь по названиям их: «Горькая беседа двух мудрецов-златоустов в диких медвяных травах...», «Свеча Русской Любви...», «Часы Святой Руси...», «Тринадцать огненных коней...», «Великий Советский Ренессанс...», «9 Мая 1945 года...», «Сталин в горящих лесах...», «Над Россией веет ветер ада...».

«Что же тревожит моего старца?.. — продолжает размышлять Тимур Зульфикаров. — Что же он думает о Русском Народе?..

Вот его ответы...
Произошло самое страшное.
Русские люди перестали любить друг друга...
Оскудели любовью... Свеча русской любви угасает...
То ли от бесконечных войн и революций...
То ли от необъятных неухоженных пространств, где русский человек чувствует себя сиротой...
Русское одиночество — самое великое в мире...
Мы, русские, перестали помогать друг другу, перестали подпирать друг друга...
Только в окопах войны сохранились ещё русская братская любовь и солидарность...

(Окончание — стр.3)

Тимура Касымовича Зульфикарова — с 85-летием!

В искусстве, как и в жизни повседневной, нет ничего важнее «системы отбора». Умение отделить главное от второстепенного — вот единственное, что отличает Мастера от подёнка. Быть может, даже и вдохновение не играет той определяющей и важнейшей роли — и в жизни, и в кино, и в театре — вообще в искусстве, если нет этой самой «системы отбора», организации духа. Если не сложилась она, если не берёт свои начала в главном, в нравственном. «Не продаётся вдохновенье...» — полуслушут, полусерьёзно сказал Пушкин. Но чтобы убедителен был текст или стихотворение, там и запятой не должно быть лишней. Читая Сергея Есенина в черновиках, видишь правку «Матери». Он набрасывает: «Не такой уж горький я пропойца, чтобы в глупой ссоре умереть...» — и тут же меняет, казалось бы, убедительные и сложившиеся строки. Пишет: «Не такой уж горький я пропойца, чтоб, тебя не

Василий «...А древо жизни пышно зеленеет»

К 75-летию Николая Бурляева

вида, умереть». И это наглядный пример правки рукописи — и жизни. Так бы и было — убили...

Николай Петрович Бурляев в интервью «Эху Москвы» в октябре 2009 года признался, что предпочёл на время отстраниться от сцен и «юпитеров», от киностудий, что сознательно не принимает предлагаемые роли. И так продолжается более пятнадцати лет.

За всё это время — всего лишь три роли в кино. И это говорит мастер, режиссёр и актёр, признанный у нас и за кордоном, за плечами которого более шестидесяти лет работы в профессии. В чём же причина? А именно в этом: в умении бескомпромиссно выбирать. Невозможно представить, чтобы Бурляев дал согласие на рекламу в стиле «...дом строю», или «Совкомбанк», «Почтабанк», и прочее. Таков критерий его нравственного отбора. Лучше ничего, чем роли вторичные, проходные или намеренно гадкие, или просто «гладкие»...

Вообще, что такое искусство? Лев Толстой написал целую книгу об этом удивительном явлении. Откуда этот «дар» — по-набиковски, «зверь», или «сор» — по-ахматовски? Да разве только он?... Слово «искусство» образовано от старославянского «искус»: испытание. Искусённый, искусный человек — тот, кто много испытал, да не однажды, а десятки раз был испытан. Лишь гораздо позже «искусство» стало синонимом понятия «художество». Такова этимология. Но это в узком, только языковом смысле. Теперь «искусный» в сфере культуры — даровитый художник, умеющий отбирать и выбирать главное. Искусность — и всеядность, вторичность — несовместимы. Величайшие писатели-романисты признавались, что для того чтобы написать небольшую повесть или рассказ — делали множество выписок, вырезали из газет необходимое, поднимали многие и многие свои записи и воспоминания. И едва ли десятая часть (быть может, и сотая) в итоге вошла в дело.

Хочется посмотреть на мастера: как осуществляет отбор он. И вот, имея в виду многие его работы в кино, в

театре, в режиссуре, в писательском и поэтическом труде, я вижу главный для него критерий отбора: совестливость, нравственность и правда. Только затем, во вторую очередь, следуя законам избранного жанра, он уделяет внимание сюжету: «линиям и параллелям», выстраивает роль как режиссёр, определяет «язык» кино или «язык» прозы и поэзии — если пишет.

Николай Бурляев очень долго не открывался читателю как литератор, писатель. А ведь он — замечательный эссеист, мемуарист, очеркист, прозаик. И это тоже одна из основных его черт-принципов: будь требователен, прежде всего, к себе самому. Пишет он давно, более полувека. Очерки и эссе о папачестве на Афоне... Замечательная мудрая книга для детей (и не только для детей, для всех возрастов) — поэма «Бемби», которая более сорока лет хранилась в рукописи в ящике письменного стола...

Ключевая его работа — фильм «Лермонтов», который с экрана «читается» на одном дыхании. А ведь сюжет, сценарий — они тоже пишутся: роли, монологи, диалоги — продумываются, выстраиваются, записываются на бумаге...

И практически всегда, когда читаю ли Бурляева, смотрю ли его кино или вижу его роль в театральном спектакле, меня настигает мысль, что он — живой пример примечательной творческой формулы, которая звучит так: «Сколько вложит в художественное полотно сам художник — столько зритель и получит на выходе». В сущности, вот и весь он — закон мастерства. И кажется, этот «приём» абсолютно прост и понятен. Просто-то он прост — да с одной оговоркой: «Где просто — ангелов со што, где мудрено — там не одного», по пословице преподобного Амвросия Оптинского. Добавлю от себя, что, стремясь к этой «простоте простой», почувствуешь на своей шкуре, как сто потов сойдёт...

Тридцать лет назад Глеб Александрович Горышин, замечательный писатель, главный редактор журнала «Аврора», в одной из весточек мне из Питера со свойственным ему сарказмом писал, сетуя вполне справедливо: «Сегодня — что в журнал писать, что в стенгазету, гонораров не платят. Объявить писателю голодовку — вот была бы потеха. Но положение наше таково, что этого никто и не заметит. Собираюсь на поле — сажать картошку».

Не скрою, это его «сажать картошку» меня особенно, до отчаяния задело. Ну, ладно, я, только-только принятый в Союз писателей России. А ведь Горышин писатель иного ранга, положения — сподвижник и товарищ Шукшина, да разве только Шукшина? Абрамова, Астафьева, Распутина, Лобанова, Шуртакова, Солоухина... Страницы не хватит перечислить всех авторитетных авторов, с которыми он был на «ты». И вот — беспомощность перед «строением», перед сворой дураков сверху, над ним... Сажание корнеплода в мае, вместо того, чтобы диктовать роман о Китае, которым он был так увлечён в ту пору... Это не толстовский каприз барина, графа. Это не «религия»: драгуру сучить, да «гуру» прослыть, не ремесло скудельное от безделья — это действительность 1990-х.

(Окончание — стр.2)

Современная культура ударно развивается стемпами (и темами) сталинских пятилеток! Не успели высохнуть слёзы над Зулейхой, не выветрился ещё праведный гнев после фильма «Дорогие товарищи» (про расстрел народных масс, но не у Белого дома в 1993 году), как в сети уже появился трейлер фильма по мотивам рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Лента, которая называется просто «Клара и Роза — в честь Кларты Цеткин и Розы Люксембург»... Шучу: названа она просто «Иван Денисович», и поставлена народным артистом РСФСР Глебом Панфиловым.

Главную роль сыграл Филипп Янковский. В ролике можно заметить супругу Панфилова — народную артистку СССР Инну Чурикову. В кинотеатрах «Иван Денисович» выйдет 23 сентября. Это достойное продолжение десятисерийного мини-сериала Панфилова по роману Солженицына «В круге первом».

Острословы уже предрекли появление сериала про Ивана Денисовича в стиле Гарри Поттера: «Иван Денисович и философский пароход» (про интеллигенцию), «Иван Денисович и орден Феликса» (про чекистов), и дальше по списку...

А почему бы и нет? У них свой Гарри, у нас свой! Неувядающей героини солженицынской сказки о бесмысленно-кровавом Сталине («одын штуку») и замученных им невинных страдальцах (все остальные 200 млн.). Разумеется, чтобы быть одному против всех, и при этом победить — необходимо обладать великими магическими силами: кубком огня, бузинной волшебной палочкой и философским камнем — иначе образ Сталина предстанет неправдоподобным... Но, учитывая развитие современного кинематографа, — думаю, дорисуют компьютерной графикой!

Как говорится, «одни ругают, другие пожимают», но мало кто говорит, что, по сути, мы имеем в лице Солженицына и его продолжателей. А имеем мы затянущуюся традицию глумления над трупами, спекулирования костями из могил, вырастающую из очень циничного отношения к страданиям тех самых заключённых, о которых вроде бы печутся...

Стоит чуть присмотреться к литературным и киношным поделкам, как тут же увидишь: сами заключённые «солженицынцами» совсем не нужны и не интересны, все их муки — удо-

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов) «Иван Денисович» и узник Азкабана

О современных дельцах от кинематографии

брение для политиканства, игрушка в руках пропагандиста.

Либерал размахивает простреленными черепами — только пока не доказано, что они прострелены немцами или финнами. Как только выплывает неудобная для либерала правда (в Сандромахе, в Куропатах, и ещё много где) — либерал вначале не верит, а потом... забывает и закрывает тему! Если виновны Гитлер или Маннергейм, то зачем это ворошить?

«Не все человеческие останки одинаково полезны! Остерегайтесь подделок!».

Лагерная тема любимая у некрофилов от литературы и кинематографа со времён Хрущёва. И понятно почему: жизнь в тюрьме нигде не сахар, и тюрьма — всегда не санаторий. Если стоит задача накопать побольше материала про людские страдания и бытовые кошмары, то проще всего это сделать на тюремной бытовухе.

Но это можно сделать честно — а можно шулерски. Можно говорить о «тюрьме вообще» — а можно сделать вид, что кроме как в СССР тюрьм и заключённых нигде не было и нет.

Факты хорошо известны: в 1937 году, на пике репрессий (трагедия которых никто не отрицает) в СССР сидело в целом 1 миллион 96 369 человек. В 1946 году, после величайшей и страшной войны, с учётом всех мародёров, дезертиров, бандитов лихолетья, власовцев и бандеровцев — 1 миллион 948 241 человек. Много это или мало?

Всё познаётся в сравнении. В современных США около 2,2 млн. заключённых за решёткой. Это на 40% больше, чем в современном Китае, хотя население Китая огромно. И — подчёркиваю! — ничуть не меньше, чем в сталинском СССР, хотя в США не было, кажется, ни революции, ни гражданской войны, ни «великого перелома», ни оккупации половины территории, ни разрушения половины производственных фондов. В современной РФ насчитывается 482 тысячи отбывающих наказание. В 145-миллионной стране в 1999 году было 1 миллион 60

тысяч заключённых, смертность в их рядах засекречена (потому что при Ельцине росла год от года). А у Сталина была смертность в местах заключения в среднем 3% в год.

То есть никаких особых, из ряда вон выпадающих «Архипелагов» в СССР не было, что, разумеется, не отрицает трагедии судебных ошибок, перегибов, сложенных судеб невинных людей, попавших под каток «классовой борьбы» (так ведь и под машину невинные попадают, и смертность на дорогах — тоже огромная трагедия).

Вот тут и встаёт вопрос о совести автора обличительных писаний: ему (ей) действительно людей жалко? Или же людские кости, страдания, муки для него (неё) — только таран, по образному выражению предателя Резуна — «ледокол» своих политических амбиций и заказной «клар»-чернухи?

Почему бы, например, Андрону Кончаловскому не снять фильм о двух расстрелах народа: в Новочеркасске-1962 и в Москве-1993? Это же легко обыграть в сценарии: допустим, молодой солдатик был в Новочеркасске, и он же, но уже пожилой, — смотрит, как горит расстрелянный танками российский парламент! Если художник не молчит об обоих расстрелах — тогда он настоящий честный художник. И после просмотра такого кино было бы зрителям о чём подумать...

А в случае с лентой «Дорогие товарищи» — мы видим не художника, а пропагандиста, узкого и трусоватого, который стыдит только мёртвых хищников, а с живыми связываться побаивается. То же самое происходит и у спекулянта трупами Солженицына с компанией его прихлебателей, включая и кинодельцов. Где осмысление природы человека и сути эпохи? Где путь, которым страна пришла к тому, к чему пришла? Нет их...

Есть только невинные, которых непонятно за что арестовали, и непонятно за что ненавидят, причём люто, зверски. Просто так, что ли? Исключительно из жестокости и по чистой зло-

бе? Это Сталину от нечего делать нравилось мучить людей?

А десяткам миллионов, встававшим в атаку с кличем «За Родину! За Сталина!» — тоже? Родилось как-то чудно огромное множество садистов, маньяков — и давай, пользуясь своим абсолютным большинством, — глумиться над светлыми меньшинствами...

В фильме, вослед рассказу, — из Ивана Денисовича делают икону. Он — герой народных сказаний, «простой солдат». Именно простой — а не офицер, как Солженицын! Иначе сусальности не хватало! И вот этот солдатик после пребывания в немецком плену оказывается в родной стране, где «по законам войны» (что это за закон такой, откуда они его взяли?!) становится заключённым Ш-854.

Там он строит будущий завод космической промышленности среди холода и снега, специально напущенных Сталиным, ибо до Сталина ведь в России пальмы росли. И — снова авторы аккуратно обходят вопрос: а зачем садистам и маньякам космическая промышленность? Чего бы им не загнать новомученика в процессе копания бессмысленных ям-котлованов?

И вот Иван Денисович, профессионально сносая все унижения, на которые таровиты все, что при Сталине не сидели, в невыносимом аду проявляет лучшие человеческие качества: он открыт людям и миру, он всё ещё в чудо. Видимо, в чудо явления Ельцина народу, чьи реформы обошлись гораздо дороже, чем сталинские репрессии. Иван Денисович, которому остаётся несколько дней из десяти лет заключения, не очень верит, что сможет, наконец, оказаться на свободе и обнять дочерей...

Тюрьма избрана мошенниками как слезоточивое средство для зрителей (а раньше — читателей). Не было коммунистов — не было в мире горя: упали с Марса коммуники — появилось в жизни несчастье. Сменился золотой век злой

калийгой — я ничуть не преувеличиваю, Солженицын именно такой миф и лепит: об утраченном Эдеме и красном аде.

Вся наша история, по версии Ельцин-центра, — вечная преисподняя, из которой выводит лишь Борис-Спаситель, лучше которого и не придумаешь. И наш кинематограф упорно отбрасывает эту версию истории (в отличие от Солженицына, который хоть царизм только светлым изображал).

Из людей выжимают слезу на особом, специфическом тюремном материале, и под эту сурдинку заставляют шептаться: «Мы — народ-неудачник, народ-безумец, нас надо под опеку, вон мы чего творим, когда сами по себе...».

По сути, для дельцов от искусства страдальцы ГУЛАГа — удобный расходный материал, которым они цинично торгуют. Честный писатель или кинематографист не станет так однобоко раскрывать богатую эмоциями и тёмными кошмарами тему тюрьмы.

Приведу классический пример: книга Стivena Kinga «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка» и фильм «Побег из Шоушенка». Это художественное произведение об американской тюрьме, ужасах тюремного быта, и о невинно осуждённом, попавшем в тюрьму по судебной ошибке. Казалось бы, полный набор «десталинизации». Писано жёстко. Отмечу для тех, кто не читал — те сцены, где невинного насилуют эски-гомосексуалисты, дадут фору солженицынскому ньюто!

Но Kinga волнуют люди, а не очернение прошлого (и настоящего) своей страны. У Kinga не посажено на тему тюремных страданий оклеветанного, подставленного эзка фальшивой сопливой сентиментальности, призывающей — «раз так!» — к немедленной деамериканизации и незамедлительной сдаче советским властям, с приглашением советских консультантов для «реформирования» «прогнившей системы». У Kinga есть люди, есть тюрьма, есть страдания, но нет никакой политики.

(Окончание — стр.3)